

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

Одиссей покидает Итаку
Бульдоги под ковром
Разведка боем
Вихри Валгаллы
Андреевское братство
Бои местного значения
Время игры
Дырка для ордена
Билет на ладью Харона
Бремя живых
Дальше фронта
Хлопок одной ладонью
Скорпион в янтаре (в 2 тт.)
Ловите конский топот (в 2 тт.)
Скоро полночь (в 2 тт.)
Мальтийский крест (в 2 тт.)
Не бойся друзей (в 2 тт.)
Большие батальоны (в 2 тт.)
Величья нашего зря (в 2 тт.)
Para Bellum
(в соавторстве с Геннадием Хазановым)

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 1. Дебют
Том 2. Миттельшпиль

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 2.

Миттельшпиль

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Оформление серии *Е. Савченко*
Серия основана в 2003 году
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Звягинцев, Василий Дмитриевич.
3-45 Фазовый переход. Том 2. «Миттельшпиль» : [фантастический роман] / Василий Звягинцев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-88432-2

Операция «Мангуста» по свержению существующего режима в Российской Федерации предотвращена. Подача отбита. Отныне тайные «боевые действия» будут вестись на территории стратегического противника, и фокус внимания «Андреевского братства» сосредотачивается на Соединенных Штатах, где немедленно начинают происходить события, способные изменить двухвековой устоявшийся порядок на континенте и положение во всем мире. Снова Андрею Новикову и Александру Шульгину приходится вступать в большую Игру и вмешиваться в ход истории. Но иначе они уже не могут, потому что сфера их ответственности — Будущее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88432-2

© Звягинцев В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Мы говорим, когда нам плохо,
Что, видно, такова эпоха,
Но говорим словами теми,
Что нам продиктовало время.

.....
Но мы не можем жить иначе,
Не променяем — мы упрямы —
Ни этих лет, ни этой драмы,
Не променяем нашей доли,
Не поменяем наши роли, —
Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя — за Время.

И. Эренбург

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Наже по столь серьёзному и, прямо сказать, не слишком частому во всей двухвековой истории Белого дома случаю, как загадочная гибель главы администрации, Ойя-ма не поехал в Вашингтон. А следовало бы — с печальным видом походить по мосту, посмотреть на извлечённые с дна Потомака обломки, после чего «обратиться к нации» с призывом сохранять спокойствие и дежурными словами в стиле глуповского градоначальника: «Не потерплю!» и «Разорю!»¹.

Он решил хотя бы так для начала обозначить собственную позицию: президент — не шериф и не детектив полицейского отделения, ему не пристало суетиться и изображать служебное рвение, особенно в том случае, если от него ничего не зависит.

¹ См.: М. Салтыков-Щедрин. История одного города.

А для прочувствованных слов время ещё будет. Например — похороны.

Кроме того, следует отучать нацию от популизма. Настоящий правитель должен появляться перед народом (или обращаться к народу) только в предусмотренных церемониалом или, наоборот, действительно экстраординарных случаях. Вроде объявления войны или безоговорочной капитуляции¹. А тут — ну, что же, бывает. Все мы смертны или, как сказал Лютенс, цитируя какого-то русского писателя: «Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!»

Документов, доставленных ему Лютенсом от русских «экстрасенсов» (Ойяма предпочитал называть их в ходе внутренних монологов именно так, чтобы не забрести в такие дебри мрачной мистики, из которых, сохранив рассудок, выбраться сложно), было вполне достаточно, чтобы прекратить любые неуместные, на его взгляд, разговоры со своим «ближним окружением». Достаточно уже наговорили, в других странах и на массовые отставки хватило бы, и на судебные процессы.

Мысль о том, что *разговоры* могут прекратиться и не по его инициативе, он загонял в самые дальние уголки сознания. За истекшие полвека так и остался тайной подлинный сценарий убийства братьев Кеннеди. Неизвестно, например, велись ли с ними *предварительные переговоры* и делались ли какие-либо взаимоприемлемые предложения. Или

¹ Именно так поступили И. Сталин в 1941 г. и император Японии Хирохито в 1945 г.

вопрос был решен попросту, как на военно-полевом суде — *без участия сторон*. То есть с ним могут поступить быстро и чётко: пистолет в ящике стола и два человека, на которых он здесь в какой-то мере может рассчитывать, — не защита. А охрана из морских пехотинцев за деньги или по чьему-то приказу может просто отвернуться, пока его будут убивать или «увозить в неизвестном направлении». И в Древнем Риме так бывало, и в средневековой Японии, и в Европе в совсем уже близкие времена.

Правда, неведомый «друг», в совершенстве владеющий японским и знающий Конфуция (то ли сам господин «паранормальный Ляхов», то ли некто, стоящий над ним), обещал помощь. Но стоит ли верить представителям вражеской, в общем, стороны, наверняка ведущим собственную игру? Хотя ситуативно они сейчас, пожалуй, на одной стороне, а это уже немало для человека, которому собственный госсекретарь в лицо пообещала не больше трёх дней жизни. Или хотя бы не жизни в буквальном смысле, а жизни в качестве президента США.

Ойяма нажал кнопку селектора и приказал начальнику собственной службы безопасности (де-юре просто руководителю группы личных бодигардов), коммодору Гедеону Брэкетту отвечать на любые телефонные звонки, от кого бы они ни исходили, что президент в курсе случившегося, но внезапно почувствовал сильное недомогание, врач сделал ему необходимые инъекции и до завтрашнего утра не велел будить. Причин для беспокойства нет, но с неотложными вопросами пусть обращаются к вице-президенту.

— А как же?.. — удивился коммодор, подразуме-

вая непреложные требования официального протокола и ханжеской морали — непременно лично засвидетельствовать скорбь и негодование по поводу трагической гибели известной особы, к которой Брэкетт, впрочем, не питал даже тени «христианских чувств».

— Именно поэтому, — ответил Ойяма. — Мисс Мэйден зачем-то летела сюда, хотя я её не приглашал. Возможно, она должна была сделать предложение, от которого трудно отказаться. Но карта легла не так. Пусть делают следующий ход. А мне немедленно сообщают все факты, что будут выясняться в ходе расследования. От моего имени позвоните Генеральному прокурору, министру юстиции и директору ФБР. Ну, сами знаете, что сказать...

— Я понял, сэр.

Брэкетт, всю жизнь прослуживший в военно-морской разведке и *приставленный* к президенту его личным другом, начальником этой самой разведки вице-адмиралом Шерманом, хорошо понимал, что началась Очень Большая Игра. В которой ему прямо сейчас приходится делать выбор, скорее всего означающий жизнь или смерть и сюзерена, и его лично. Нравы Белого дома и соответствующих служб он знал досконально. Что президент никак не может быть причастен к катастрофе вертолёта, он тоже понимал. Не было у него ни нужного времени, ни соответствующих возможностей. В то же время — погибшая глава президентской администрации принадлежала к самым яростным его врагам. Значит, закручивается гораздо более хитрая интрига, чем можно было предположить поначалу, и руководит ею опытная рука. Опытная имен-

но в сложных многоходовках, а таких способностей у известных ему «персонажей первого плана» коммодор не замечал.

— Может быть, стоит запросить подкрепления... у адмирала?

Это предложение сразу обозначило сделанный Брэкеттом выбор. Фактически он признавал, что Рубикон перейдён. И то, что президенту США придётся вопреки всем инструкциям, обычаям и действующей иерархической системе привлекать для своей защиты *посторонние* силы в обход *надлежащих процедур*, уже как бы подтверждает — они вдвоём решили, впервые за полтора года, переступить вроде бы невидимую, но всем очевидную черту.

Против президента его противники имеют *прецедентное* право использовать любые средства, от мягких увещеваний до импичмента и пули в затылок, он же — только те, что прописаны в Конституции. И попытка выйти из «мелового круга» опять же автоматически включает механизм морального или физического устранения строптивца.

Правда, заодно следует отметить, что давным-давно никто не представляет, а что же случится, если обречённая на заклание жертва всё же решит сопротивляться всеми доступными ей средствами? Не было на памяти ныне живущих политиков таких случаев.

Разбомбить столицу европейского государства или оккупировать страну на другом конце света президент США может, а вот использовать силовой приём против решившей его устранить компании джентльменов из какого-нибудь гольф-клуба

с неприметным названием — ни в коем случае. Да большинству такое и в голову никогда не придёт, так же как, допустим, назвать с трибуны Конгресса лидера оппозиционной партии «грязным ниггером», а не «достопочтенным сэром».

— Спасибо, Гедеон, я обдумаю этот вопрос. А пока делайте то, что я уже сказал. И вот ещё — по любому транспортному средству, наземному или воздушному, разрешаю открывать огонь, «если покажется, что они представляют угрозу». Одна очередь трассирующими — предупредительная, следующие — на поражение. Да, запрет на пользование любыми средствами связи с внешним миром, кроме моих и ваших, остаётся в силе. Даже стоит его усилить. Служебную передающую аппаратуру тоже отключить. И приставить к радиоцентру наблюдателя из ваших людей. Понимающих в этом деле.

— Будет исполнено, сэр! Переходим на режим осадного положения?

— Считайте, что да. Фактически. Но постарайтесь, чтобы внешне всё выглядело... Прилично.

— Есть, сэр! Кстати, хочу, чтобы вы знали — охрана Кэмп-Дэвида способна отразить нападение не более чем роты противника, если она будет штатно вооружена и действовать всерьёз. Боеприпасов у морских пехотинцев — на час хорошего боя.

— Ещё раз спасибо, Гедеон. Надеюсь, до такого дело не дойдёт.

Со сразу посуровевшим и затвердевшим лицом коммодор вышел из кабинета. Вообще говоря, ничего экстраординарного в приказе президента не было: верховный главнокомандующий вправе, ни с кем не советуясь, вводить те меры безопасности,

что посчитает нужными. В «особый период», который он может объявить тоже единолично, *советоваться* с Конгрессом и Сенатом просто технически невозможно. А политически — зачастую нецелесообразно.

Имелась лишь одна тонкость — и отдавший приказ, и тот, кто его получил, прекрасно понимали, что случайных, заведомо принадлежащих преступным кланам и синдикатам «наземных и воздушных транспортных средств» в ближайшее время здесь появиться не может. Ну, не Колумбия всё же. Русский десант ещё менее вероятен. Прилетят или приедут такие же «государственные служащие» с чьим-то приказом. В крайнем случае — сотрудники частной военной компании вроде «Блэкуотера», тоже получившие «официальный заказ». В любом случае первый же выстрел будет подобием залпу по форту Самтер¹. То есть — началом второй Гражданской войны. Пусть поначалу совсем локальной. Но эпидемия чумы, от которой в четырнадцатом веке вымерло две трети населения Европы, тоже началась с укуса единственной, заражённой *bakterium pestis* блохи.

Могущественная сверхдержава на самом деле держится на нескольких, две сотни лет соблюдаемых по умолчанию правилах, и если от них вдруг отказаться, вся конструкция начнёт рушиться. Грохота и жертв, пожалуй, будет больше, чем при исчезновении советской власти. Русские, они к поли-

¹ Обстрелом «южанами» форта Самтер, занятого правительственными войсками «северян» 12 апреля 1861 г., фактически началась Гражданская война в САСШ.

тическим и военным катаклизмам привычнее, и инстинкт самосохранения у них включается вовремя. Особенно после опыта 1917—1922 годов. И к идее вовремя согласиться выполнять приказы тех, кто *знает, что делать*, они относятся без инстинктивного предубеждения. «Командовать парадом буду я!» — очень хорошая формула утверждения легитимности вождя любого уровня.

Пока президент инструктировал Брэккетта, а потом звонил адмиралу Шерману, Лютенс тоже не бездельничал. Ляхов заверил его, что за Кэмп-Дэвидом ведётся постоянное наблюдение, и никаких *эксцессов исполнителей* допущено не будет, причём аккуратно и по возможности без лишнего шума. В этом Лерой почти не сомневался, имел возможность убедиться, как в аналогичной ситуации это было проведено в Москве. Девяносто процентов даже руководящих работников о попытке государственного переворота узнали только задним числом. Причём — очень задним!

«Зеркальность ситуации» его на самом деле не то чтобы слишком уж поражала, просто заставляла задумываться глубже, чем разведчик привык. Большую часть жизни удавалось обходиться стереотипами, штампами, приближающимися по своей твердокаменности к инстинктам. Имелся набор вариантов, могущих случиться на тех или иных уровнях его и коллег по деятельности. Сообразно им и стоило поступать — при работе в странах третьего мира, союзнических европейских, заведомо враждебных вроде Китая или России. И совершенно неважно, что эти стандартные реакции чем дальше, тем отчётливее демонстрировали свою несостоя-

тельность, несоответствие реалиям меняющегося мира.

В этом, наверное, и заключается суть англосаксонского взгляда на мир: «Если действительность не совпадает с нашими о ней представлениями, то тем хуже для действительности». Десятки раз за послевоенные (после Второй мировой, естественно, ни одна другая война XX века права приниматься за точку отсчёта, «до» и «после», не удостоилась) годы тайные операции ЦРУ и Госдепа с треском проваливались, из вооружённых конфликтов разной степени интенсивности США выползали с сильно помятыми боками и выбитыми зубами, образно выражаясь, но здравых выводов из давних и совсем свежих поражений не делалось.

Что из Корейской, Вьетнамской, Иракской войн, что из операций «Фокус» и «Мангуста»¹, что из бесконечных «цветных революций», переворотов и контрпереворотов, организуемых Штатами по всему миру без всякой, в общем, разумной цели. Виднейшие теоретики военного дела давно уже сформулировали: «Война имеет смысл, если послевоенный мир будет лучше довоенного». Геополитическое же и внутреннее положение Америки с каждой новой попыткой ощутимо ухудшалось. По всем параметрам — от коллапса экономики и стремящегося

¹ Операция «Фокус» — попытка антикоммунистического фашистского мятежа в Венгрии в октябре 1956 г., замаскированного под «народное восстание». Закончился полным поражением и бегством более 200 тыс. его активистов за границу. Не успевшие эмигрировать руководители мятежа были казнены, в т.ч. «премьер-министр» Имре Надь. Операция «Мангуста», описанная в романе «Не бойся друзей», — попытка свержения действующей власти РФ данной реальности.

к бесконечности государственного долга до зашкаливающего антиамериканизма, государственного и бытового, по всему миру.

Действительно, при некотором напряжении воображения легко было представить, что неизвестным (как бы даже взезным или *потусторонним*) силам для чего-то потребовалось учинить государственный переворот всё равно в какой великой державе. Точнее, не всё равно. Именно в России или в США. Китай и прочие, тоже якобы значительные государства, члены ЕС и БРИКС эти силы интересовали мало. Совсем как в старой русской поговорке (или просто — практическом наблюдении): «Сруби столбы, заборы повалятся сами».

Логика не совсем понятная, поскольку изменение государственного устройства или полная ликвидация одной из этих держав должны привести к совершенно разным последствиям для мироустройства планеты Земля. Но это если руководствоваться человеческой логикой, а никакой другой Лютенс не владел.

Значит, надо отвлечься от эсхатологических¹ проблем и заняться более конкретными.

Историю Лерой знал достаточно хорошо, заодно изучал разные философские учения и даже исторический материализм. Это не слишком помогало в практической работе по названным выше причинам, но позволяло считать себя мыслящим существом, способным к рефлексии. Он ведь по сути сво-

¹ Эсхатология — учение о конечных судьбах мира и человека. Различаются индивидуальная Э. — учение о загробной жизни индивидуальной человеческой души и всемирная Э. — учение о цели существования космоса и истории и об их конце.

ей был немец, а не «настоящий американец», тем более — вынужденный нередко выдавать себя за русского.

Но ничего выходящего за пределы всё тех же стереотипов Лютенс придумать не мог. Убрать с доски Ойяму могло потребоваться только силам, твёрдо взявшим курс на войну с Россией «до победного конца». Это выглядело крайне глупо в свете уже произошедших событий. Если только целью неизвестно кого не является полное уничтожение планеты Земля. Никакой иной исход просто невозможен в случае «*Reductio ad absurdum*»¹.

Но сразу возникает очевидное противоречие. Успех плана «Мангуста» к немедленной войне не вёл. Наоборот, он мог означать окончательное установление «однополярного мира» под властью США. То, что не получилось сразу, в 91-м и нескольких следующих годах. Тогда шансы были великолепные, да вот воображения «владыкам мира» не хватило. Решили, что «конец истории» сам по себе уже наступил. Когда сообразили, что всё не так, пришлось импровизировать, а в импровизациях англосаксы не сильны.

Зато Китай в этом варианте в расчёт мог не приниматься. Его превозносимое многими «экономическое могущество» было столь эфемерным, что несколькими точными ходами легко могло быть обрушено, со сведением Срединной империи к уровню

¹ Доведение до абсурда, нелепости, последней крайности — риторический приём, заключающийся в продолжении доводов противника до превращения их в полную бессмысленность. Может также использоваться для выявления скрытых смыслов в позиции оппонента.